

**РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ
ВСЕГДА БЫЛА ИМПЕРСКОЙ...
ИНТЕРВЬЮ С АЛЕКСАНДРОМ ПРОХАНОВЫМ)**

<https://doi.org/10.34739/clit.2020.14.17>

Начиная с середины 90-х годов XX века внимание ученых, как российских, так и западных, все чаще притягивают модели имперского сознания в культуре. Среди многих научных работ, посвященных данной тематике, особенно важны для меня монографии Эдварда Саида (*Culture and Imperialism*, New York 1994), Евгения Анисимова (*Исторические корни имперского мышления в России*, 1996), Эвы Томпсон (*Imperial Knowledge: Russian Literature Имперский опыт России*, 2014) и ряд других. Это направление исследований мотивировало меня к выбору тематики моей кандидатской диссертации: *Имперский дискурс в «посткрымской» прозе и публицистике Александра Проханова*. Проханов является одним из ведущих пропагандистов возрождения имперской России. Наряду с политологом Александром Дутиным, он является одним из наиболее узнаваемых представителей имперского мышления. Его называют «трубадуром Пятой империи», «пропагандистом Пятой империи», «государственником». Сам же он утверждает, что пытается привить литературе атрибутику государственности (А. Проханов, *Я пишу портрет государства*, 2006).

Александр Проханов распространял концепцию возрождения имперской России еще в эпоху Советского Союза, будучи корреспондентом «Литературной газеты». Освещал военные интервенции СССР в разных частях планеты. Не случайно интеллигенция называла его тогда «соловьем Генерального Штаба». Без всякого сомнения, Проханова можно назвать автором современной российской имперской мысли. Этот писатель является автором более 60-ти романов, однако его деятельность выходит

далеко за рамки только литературной. Свое видение новой имперской России он представляет с начала 90-х годов прошлого столетия как в литературном (*Последний солдат империи* 1993, 2003; *Симфония «Пятой империи»* 2006; *Пятая империя* 2007), так и в публицистическом творчестве.

Интервью с писателем было записано мной в Москве 15 ноября 2019 года в редакции газеты «Завтра».

Руслан Шошин: Краковский филолог Александр Вавжынчак в 2014 году издал книгу: «Империалист, технократ, мистик: литературное и публицистическое творчество Александра Проханова»¹. Российские публицисты и критики называют Вас ярым националистом, русским шовинистом, а также сталинистом, державником и даже путинистом. Какой из этого богатого и разноцветного спектра эпитетов вам более всего соответствует?

Александр Проханов: Моя литературная судьба — это постоянная гонка, я постоянно несусь, стараюсь угнаться за актуальной историей. Историей, которая случается со мной, вокруг меня и во мне. Практически все мои работы — это стремление уловить историческую коллизию, которая складывается в недрах моей страны, моего государства. Это не коллизия отдельно взятого человека, судьбы или психологии. Речь идет о метафоре, которая возникает, когда история накапливает в себе однородные эссенции, из этих эссенций выстраивается завершённый исторический образ. Мне хотелось захватить этот образ, не дав ему исчезнуть и растаять. Перепрыгиваю из метафоры в метафору и постоянно гонюсь за жизнью. Я не знаю, что это. Скорее всего это борьба с забвением или борьба со смертью. В одном из своих эпитафов Иван Бунин написал: «Вещи и дела, аще не написанныи бывають, тмою покрываються и гробу беспамятства предаются, написанныи же яко одушевленнии...»². Его тоже это томило.

Это погоня, я гонюсь за историей моего государства. Начиная с событий на острове Даманский (советско-китайский пограничный

¹ A. Wawrzyńczak, *Imperialista, technokrata, mistyk. Twórczość literacka i publicystyczna Aleksandra Prochanowa*, Kraków 2014.

² Этой цитатой открывается *Первая книга* романа И.А. Бунина *Жизнь Арсеньева*. См.: И.А. Бунин. Собр. соч. в 6 т., т 5, подгот. текста, комм. А.К. Бабореко, Москва 1988, с. 7. См. также *Комментарий*: «Бунин, по-видимому, заимствовал начальные строки, несколько изменив их, из рукописной книги поморского проповедника XVIII в. Ивана Филиппова *История краткая в ответах сих*» (там же, с. 599).

конфликт в 1969 году)³, я оказывался в недрах самых грозных событий, которые переживала моя страна. Было время, когда я передвигался по большим стройкам. Я видел, как запускаются электростанции, как создаются великие карьеры, я видел запуск космических ракет. Это был технократический период моего творчества, тогда я был певцом технократизма. Я стремился описать всевозможные формы труда и восполнить некую недостаточность русской литературы, которая не умела и не хотела писать машины. Литература писала деревенские избы, природу, душу человеческую. Правда, в рассказе Бунина *Господин из Сан-Франциско* была машина. Я же хотел одухотворить машину, имя которой «государство».

Потом наступил военный период, я прошел все конфликты и горячие точки, которые были связаны с советской и постсоветской историей России. Я видел две войны в Чечне, Карабах, Приднестровье, Сирию, Ближний Восток, Донбасс. Я двигался в зоне конфликтов и противоречий. Меня называют баталистом; и это так, я писал бои и баталии, которые ведет моя страна и которые я видел собственными глазами. Мне хотелось понять таинственную человеческую природу, которая на протяжении всей истории человечества заставляет человека сражаться, воевать, умирать и убивать. Мне хотелось найти метафизический смысл войны, будь я в Чечне, Африке или Латинской Америке. Я – государственник и воюю вместе с моей страной, я не могу быть сторонником иного государства.

Когда случился крах Советского Союза, я пережил духовную смерть. Мне хотелось одряхлевшую советскую идеологию оживить новым мировоззрением, новой космической мечтой. СССР задумывался как страна мечты человеческой. С концом этой страны рухнула мечта. Тогда начался период, когда я сражался с победившим мою страну ельцинским государством. Тогда никакие диссиденты мне в подметки не годились, а за свою борьбу я получал плату в виде ударов кастетом по голове. Либералы тогда пытались отобрать у Сталина победу в Великой Отечественной войне, говорили, лукавив, что войну выиграл народ. Для меня фигура Сталина оставалась и остается центральной во всей красной идее. В этой степени я сталинист. Он (Сталин – Р.Ш.) сумел создать сверхдержаву, которая одержала победу. Победа в 1945 году имеет для меня не только военный, геополитический или идеологический, но и религиозный смысл. Победа света над темными адскими силами.

³ Советско-китайский пограничный конфликт на острове Даманский произошел 2-15 марта 1969 г.

Руслан Шошин: Вы написали более 60-ти романов, в которых описывали многочисленные войны и антироссийские заговоры. Есть ли черты, цели, устремления, которые объединяют героев Ваших произведений?

Александр Проханов: У меня есть один сквозной герой — генерал Белосельцев. Разведчик, который исследует не только коммуникации, потенциал, но и пытается понять метафизику конфликтов. Пытается понять обреченное на войну человечество. Мои герои не оптимисты, и это их объединяет, это трагические персонажи. Мой герой пробует на вкус кабель высокого напряжения, этот кабель его бьет, ранит, обжигает или убивает. Это персонажи трагического подвига.

Руслан Шошин: Почему Вы решили воспевать офицера разведки, а не, например, ученого, доктора, учителя, инженера, историка или математика? Неужели эти люди не в состоянии совершать «трагический подвиг»?

Александр Проханов: Мне трудно представить на войне математика и то, чем он бы там занимался. Вряд ли, он окажется в этих точках. На войне может оказаться профессиональный военный, разведчик либо такой художник, как я. Художник на войне также является разведчиком; писатели — это разведчики Господа Бога. Они запущены в жизнь, чтобы выявить в этой жизни смыслы, открыть эти смыслы и вернуться к Творцу, который послал их в этот мир. Писатель должен принести туда крохи, которые добыл в своих скитаниях. Это не математик и не учитель, это разведчик с гуманитарным и метафизическим сознанием.

Руслан Шошин: Вы много знаете разведчиков с метафизическим сознанием?

Александр Проханов: Такие разведчики есть, я встречал таких разведчиков. Это разведчики старой школы. Школа, которая берет свое начало с Российского Генерального Штаба. Такими разведчиками были исследователь Центральной Азии Николай Пржевальский и Владимир Арсеньев, который осваивал Дальний Восток. Это была плеяда разведчиков, которые, будучи в Афганистане или Средней Азии, прекрасно знали ислам. Мой разведчик не очень типичен для советского времени, но это alter ego.

Руслан Шошин: Вы перечислили людей, которые служили Российской империи. В романе *Последний солдат империи* разведчик Белосельцев пытается спасти советскую империю.

В некоторых ваших произведениях слово «империя» упоминается в названии: Симфония „Пятой Империи”, Пятая Империя. Какова Ваша дефиниция понятия «империя»?

Александр Проханов: Для меня империя — это симфония пространств, народов, языков, верований, культур и векторов развития. Крупные империи несут в себе огромные идеологемы, стремящиеся управлять историей человечества. История объединяет народы в империю для того, чтобы увеличить коллективный разум, коллективные усилия. История России — это история пяти империй. Русские возникали как имперский народ. Говоря точнее, русские возникали в недрах имперского строительства, в котором участвовали не только русские. Первая империя — Киевско-Новгородская, ещё языческая, которая простиралась от Балтики до Черного моря, от Карпат до Урала. В этой империи были славяне самых разных типов: тиверцы, древляне, кривичи, поляне, а также финно-угры, варяги, норманны, кыпчаки, хазары, евреи, греки и другие. Это была первая империя, которая закончилась во время татарского нашествия. На этом месте возникло Московское царство — вторая империя. Прошло смутное время и возникла третья, петровская империя — империя Романовых. Потом возникла сталинская империя.

Руслан Шошин: Опережая Вас, позволю предположить, что сегодняшняя Россия, по-Вашему, является «пятой империей».

Александр Проханов: Сегодня мы занимаемся строительством пятой империи — путинской империи, условно говоря. Российская история всегда была имперской, других периодов не было. Когда один имперский период заканчивался, возникала черная дыра, смута, крушение и страшная потеря исторического времени. Для меня империя — это не сочетание колоний и метрополий, а симфония народов и пространств. Существенно и важно то, удастся ли сегодняшней России сохранить, реализовать и, может быть, распространить эту симфонию на те пространства, которые мы потеряли после 1991 года.

Руслан Шошин: Позвольте процитировать создателя восхваляемого вами Советского государства. Еще в 1914 году Ленин сказал, что царская Россия «есть тюрьма народов». Вы же утверждаете, что это «симфония народов»?

Александр Проханов: Ленин был очень острым и актуальным политиком, хотел разрушить царскую империю. Это был один из тезисов, которые помогли ему достигнуть этой цели. А что бы Ленин

сказал о советской империи, если бы знал о переселении чеченцев, калмыков или черкесов?

Руслан Шошин: А если бы знал о переселении крымских татар?

Александр Проханов: Да, конечно, крымских татар тоже. Это тоже была империя, но это не была «тюрьма народов». При советской империи многие народы сохранялись и сберегались. После распада СССР я вижу, как на моих глазах умирают целые народы; умирают как народ, например, армяне. Все уезжают, всё рассыпалось и деградирует. То же самое касается таджиков или киргизов. Народы, которые остались без имперской протекции, гибнут на глазах, деградирует их культура. Империя же возникла не потому, что кто-то хотел захватить ресурсы или пушного зверя. Русский народ двигался в пространствах, шел к Тихому океану или к Северному полюсу, а по пути встречались народы, которые «закатывались» в общий, огромный снежный ком. Народы становились частью этой экспансии. Империя же создавалась не только благими пожеланиями, там были батальоны, царская казна, беглые крестьяне, которые становились казаками, и офицеры Генерального Штаба, которые шли вперед. Были и монахи, которые распространяли свои монастыри. Там была сокровенная власть, невидимая глазу. Эта власть оперировала национальными русскими кодами, добытыми на протяжении тысячелетий. Благодаря этим кодам русские преодолевали беды, трудности и поражения. Благодаря сочетанию видимой и невидимой власти удалось создать империю двенадцати часовых поясов⁴.

Руслан Шошин: Имеет ли «империя Проханова» границы, и где они заканчиваются?

Александр Проханов: Нет, это пульсирующие границы. Они связаны с категорией «русского мира». Это мистическое понятие. Речь идет о том, что существует Россия небесная, божественная, не подверженная поруганию и осквернению. Вот эта небесная Россия бросает свою проекцию на земную жизнь. Имперская Россия является результатом вот этой проекции, её земные границы могут меняться, сжиматься и опять расширяться. А бывают минуты, когда империя исчезает и вообще не имеет границ. Появляется черная дыра, но потом туда падает несколько капель живой воды и рождается новая империя с новыми границами, символами и качеством. Это произошло после 1991 года, империя приросла

⁴ В 2014 году Россия перешла на 11 часовые пояса.

Крымом, Донбассом, Абхазией, Южной Осетией и Приднестровьем. И это не важно, что мы не включили в свой состав Донбасс, Абхазию или Южную Осетию, это юридические процессы. Де-факто мы изменили конфигурацию, которую нам навязали после 1991 года. Эта конфигурация будет меняться, я не знаю, как и какими сдерживаниями, но это будет происходить.

Руслан Шошин: Но ведь в империи всегда будет доминировать один народ, один язык и одна культура. Трудно представить, что в России, где проживают представители более ста народов, было бы, например, сто государственных языков и каждый из народов самостоятельно распоряжался бы судьбой территории, которую заселяет. Вы можете такое представить?

Александр Проханов: Мы оперируем идеалами или реальностью? Если оперировать идеалами, то примером такой империи является Царствие Небесное. Русское сознание во всей своей истории стремилось воплотить рай на земле. Русские доминировали в империи благодаря своей численности, цивилизованности и благодаря загадочным имперским инстинктам, которые живут в русском народе. Мы опустошили свои центральные регионы, которые обезлюдели. Русские потратили много сил на окраины: на то, что называется колониями. Создали на этих окраинах огромные города, воспитали их интеллигенцию и утвердили цивилизацию. Благодаря русской культуре там появились выдающиеся поэты и художники, которые благодаря империи стали мировыми. Кем был Расул Гамзатов? Певцом горного села. А потом стал певцом Дагестана, Советского Союза, а потом его всемирно известного поэта стали переводить на все языки мира.

Руслан Шошин: *«Кого-то исцеляет от болезней. / Другой язык, но мне на нем не петь, / И если завтра мой язык исчезнет, / То я готов сегодня умереть».* Это фрагмент стихотворения Расула Гамзатова «Родной язык». Поэт имел в виду аварский язык. В сентябре 2019 года ученый Альберт Разин сжег себя за сохранение удмуртского языка, перед этим протестовал против русификации удмуртов и держал плакат с фрагментом стихотворения Гамзатова. Что Вы об этом думаете?

Александр Проханов: Когда рухнул Советский Союз, над всеми республиками нависла угроза, также и в Дагестане. Гамзатов оказался в изоляции, а аварский язык оказался никому не нужен, перестал быть языком мировой поэзии. Удмуртский язык тоже сжимается и страдает, но не подавляется. Нет там искусственной русификации, наоборот, там вводятся уроки удмуртского языка, есть

удмуртская культура и песни. Однако этот язык гаснет, но и русский язык тоже гаснет. Мы живем во времени, когда языки коверкаются и угасают. Когда в истории России ослаблялся централизм, а ему на смену приходили, условно говоря, либеральные формы, империя разрушалась. Разрушается она с большим треском и гигантским пролитием крови. Поэтому я – централист.

Руслан Шошин: Ваше литературное и публицистическое творчество насыщено многочисленными образами внутренних и внешних «врагов России». Кто или что, по-Вашему, угрожает сегодня России больше всего?

Александр Проханов: Один современный американский политик сказал: «Вы, русские, думаете, что мы хотим убить Россию. Вы заблуждаетесь. Мы хотим довести Россию до самоубийства». Все те, кто стремится довести Россию до самоубийства, являются врагами моей страны. Советский Союз довели до самоубийства после того, как в течение более четырех лет уничтожались и добивались все глубинные русские коды, на которых держалось все государство. В итоге распалась и исчезла страна. Сегодня идет истребление кодов, на которых держится государство российское. Есть люди, которые занимаются этим профессионально. Будь то офицеры НАТО, которые в Альпах изучают Достоевского, пытаясь выявить эти коды, или деятели сахаровского, или ельцинского центров в России.

Руслан Шошин: У известного итальянского писателя и ученого-философа Умберто Эко есть сборник рассказов и лекций *Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю*⁵. В одном из них писатель описывает свой диалог с пакистанским таксистом в Нью-Йорке. Таксист спросил его: «сколько у Италии врагов» и «кто является извечным врагом Италии». Таксист был очень разочарован, когда в ответ услышал, что «у Италии нет таких». Суть в том, что врагов часто «сотворяют» для реализации конкретных, например, политических и экономических целей. Не кажется ли Вам, что счастлива та страна, у которой нет врагов?

Александр Проханов: Если стране никто не угрожает, такая страна никому не интересна. Самый большой враг Италии это тот, кто не является врагом Италии. В Италии сегодня нет ни реалистического кино, там нет сегодня треченто, кватроченто, чинквеченто. Страну превратили в систему туристических маршрутов, заурядную среднеевропейскую страну, в которой нет лидеров. Что такое Берлускони с его кроватью, которую ему подарил Путин? Отсутствие

⁵ У. Эко, *Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю*, Москва 2014.

врагов — это очень большая проблема Италии. Когда Италия была Римом, у неё было множество врагов: Ганнибал, галлы, гунны. Отсюда и величие империи. Я думаю, Умберто Эко ошибался, говоря, что у Италии нет врагов. У этой страны есть огромное великое прошлое, и оно является врагом современной Италии. Прошлое нельзя превратить в экспонат. Тоже касается и сегодняшней Германии, у которой также есть огромное прошлое. Это Ницше, Вагнер, нибелунги, германский романтизм, Кельнский собор и германская мистика. Это все «закатали» под асфальт после 1945 года, но это никуда не делось. Врагом современной Германии является германское прошлое.

Руслан Шошин: Позвольте еще немного остановиться на теме «врагов» и из Италии и Германии вернуться в Россию. Известный петербургский ученый-историк Евгений Анисимов утверждает, что идея «извечного врага» является неотъемлемой частью русского имперского мышления⁶. Вы согласны с этим утверждением?

Александр Проханов: Вы хотите сказать, что вся проблема в мышлении и у России никогда не было врагов? Гитлер, который от большой любви к русским сжег полстраны, был другом, и мы не должны к нему испытывать враждебности? Возьмем Наполеона, что может быть прекраснее Наполеона, который сжег Москву? Он тоже не враг? Вспомним поляков, которые пришли в Москву, ликвидировали Рюриковичей и посадили на трон Владислава. Разве это враги? Конечно нет, это наши прекрасные друзья. Россия — это объект постоянных нашествий. В Россию с Запада рвутся мощные армии, наша страна находится под постоянным давлением и угрозой истребления. Как же у России не может быть врагов? Кто же они, если не враги? Заметьте, русофобия пришла к нам с запада, на востоке никогда не было такого явления. Поэтому наши геостратегические враги в Европе.

Руслан Шошин: А Вам не кажется, что мы живем в эпоху постправды? Во времена, когда исторические факты и события подменяются идеологемами и мировоззрением. Когда, общественным мнением манипулируют и управляют.

Александр Проханов: Я не оперирую этим. Я вообще не знаю, что такое правда. Что такое историческая правда? Свидетельства черепков, которые находят в курганах или списки погибших? Правда

⁶ Е. Анисимов, *Исторические корни имперского мышления в России*, Institute of Russian History, RAS 1996.

– это миф. Правдой является то, что действует и реально существует. Осуществляет это историческое творчество. Именно миф является творящим началом. Один миф израсходуется и заканчивает свое существование, а на его месте появляется другой миф, очень часто убивающий предшествующий миф. А во взаимоотношениях государств, культур и цивилизаций происходит сплошная борьба мифов. Вся история — это сражение мифов, один миф побеждает другой. Можно датировать черепок, но нельзя сказать, как это черепок влиял на сознание племени, которое выживало, добывало огонь и обжигало потом на нем эти черепки. В чем правда?

Руслан Шошин: Миллионы жертв сталинских репрессий, по-Вашему, это правда или миф? Этот период в истории России скрывает много закопанных черепков.

Александр Проханов: Репрессии были, и жертвы этих репрессий тоже были. А хорошо ли было открытие Нового Света португальцами или плохо? Для португальцев и испанцев это было очень хорошо, а для инков? Сталинские репрессии — это было хорошо или плохо? Это было ужасно. А хорошо ли это было для тех, кто эти репрессии осуществлял, для сотрудников, например, КГБ? А Вы знаете, что их детей и внуков можно сегодня встретить среди либералов и демократов, которые осуждают сталинские репрессии. Это дети палачей, пыточников, сотрудников Смерш и НКВД. Сталин с конца 1920-х годов знал, что война неизбежна. Все, что делалось в советской стране: индустриализация, коллективизация, создание источников золотодобычи — все это делалось для победы в войне. Нужно было строить авиационные и танкостроительные заводы. Нужно было добывать золото, а на его добычу бросали заключенных. Хорошо это было для них или плохо? Конечно, ужасно. А нужно это было для победы? Это было необходимо. Я не говорю, что репрессии — это хорошо. У меня полрода перебили, неужели я этому радуюсь. Но одновременно я понимаю, что создание концентрированного, мобилизованного советского общества, которое было брошено против Гитлера, невозможно было без очень жестких технологий. Сталин применил две технологии. Первая — это страх, который наводил репрессиями для усиления тотальной дисциплины и готовности. Вторая технология — это технология героев, которые, вися в петле, кричали: «Да здравствует Сталин!». Вот эти герои шли в первых рядах и выиграла войну. Были и другие герои, которые восстанавливали после войны разрушенные города.

Руслан Шошин: Говоря с Вами, у меня складывается впечатление, что Вы все-таки больше публицист, чем писатель. Ведь во многих Ваших романах очень четко просматривается Ваше публицистическое перо.

Александр Проханов: Я — редактор еженедельной газеты, у которой 50-60 тысяч подписчиков. В газете есть передовица, которую я пишу каждую неделю. Вот и вся моя публицистика. Я издаю романы, как минимум один роман в год, а бывает и больше. Я по-прежнему гонюсь за историей и записываю её фрагменты.

Руслан Шошин: Роман *Крым* Вы издали в июле 2014 года, буквально четыре месяца спустя после российской аннексии полуострова. Неужели знали заранее?

Александр Проханов: Конечно, нет; там была другая история. Я писал роман ещё до присоединения Крыма. Смысл романа в преобразении человека. Мой герой прошел от величия до падения и духовной смерти, но он прошел и воскрешение. Это было чудо преобразования. А потом случился Крым, который для русского сознания тоже был чудом и преобразованием. Поэтому я и назвал этот роман *Крым* — как роман о чуде.

Руслан Шошин: Главный герой Вашего романа Евгений Лемехов, который занимается восстановлением военно-промышленного комплекса. Тогда, в 2014 году, в России такую функцию выполнял вице-премьер Дмитрий Рогозин. У Вашего вымышленного персонажа из *Крыма* есть что-то общее с действующим персонажем российской политики?

Александр Проханов: Да, это так. Прототип главного героя Лемехова — Рогозин. Я его отчасти списывал. Я с ним знаком и хорошо его изучил, я видел его эволюцию. Он тоже пережил взлет, у него были президентские амбиции, потом пережил полное крушение; и от него все отвернулись, он был раздавлен и расплюсчен.

Руслан Шошин: Чем для Вас является Крым — мифом, легендой или все-таки реальностью?

Александр Проханов: Это многоаспектное явление для сознания русских: мистическое, сакральное и геостратегическое. Это была первая победа русских, у которых все время все отнимали. После 1991 года русских разделили, отняли лучшие территории, отняли историю, разорвали историческое время. Крым был чудом, был компенсацией. Мы вернули себе пространства, которые считаем

своими. Мы вернули русское население и соединили времена, потому что Крым — это Херсонес. Путин сказал, что возвращением Крыма мы вернули сакральный смысл российской государственности. Мы вернули место, где крестился святой Владимир, и тем самым осветили весь смысл российской государственности. Есть в этом и геостратегическое значение, потому что мы спасли Севастополь. В противном случае там разместилась бы база военно-морского флота США. Мы этот процесс прервали и усилили Черноморский флот, вернули себе контроль над Черным морем, а в последующие времена через Босфор и Дарданелы пришли в Сирию. Все это благодаря Крыму, а также военным базам в Южной Осетии и Абхазии. Благодаря стратегическому замирению с Турцией Россия присутствует в ближневосточном регионе. Есть одно правило. Если ты находишься в этом районе, ты участвуешь в управлении миром, а если нет — управляют тобой.

Руслан Шошин: А Вас не смущает то, что после аннексии Крыма Россия отгородилась от западного мира стеной, которая становится все выше и тверже? Вводятся новые санкции, страдает российская экономика.

Александр Проханов: Во-первых, это Запад, вводя санкции возвел эту стену. Европа шевелится, мир нестабилен. Англия уходит из Европейского союза, который переживает период смуты. Сегодняшняя ситуация сиюминутна, мы не знаем, каким будет мир через двадцать лет. Может, среди этих перемен проблема Крыма будет выглядеть смешотворно, может, возникнет проблема Киева или Львова. Мир меняется; и нет смысла что-то прокламировать на сто лет вперед.

Руслан Шошин: А если посмотреть сто или двести лет назад. Сегодня русской литературе удалось что-нибудь сохранить из своего классического прошлого?

Александр Проханов: Литература вообще ушла на периферию общественной жизни. Если прежде литература была в центре идеологической и политической жизни, к ней присматривались, и она была камертоном, то сегодня литература носит камерный характер и отодвинута далеко. Однако, по-прежнему остается местом, где происходит общественное творчество. Непрерывные тенденции, движения и направления исторической мысли происходят не в государственной Думе и не в разведке, а именно в литературе. По-прежнему между либеральными и патриотическими литературными направлениями идет острая борьба и даже схватка,

поднимаются острые извечные русские проблемы. Генезис остается прежним, но её роль и влияние на общество не сравнимо с временами Толстого или Солженицына.

Руслан Шошин: Могли бы Вы приоткрыть тайну Ваших творческих планов. Какую войну вы опишете в Вашем следующем романе?

Александр Проханов: Позвольте не отвечать на этот вопрос и не говорить о планах. У меня есть идеи, и я собираюсь написать несколько романов, как говорится «в стол».